

ОТ АВТОРА

Апачи избегают называть людей по именам, даже когда говорят о ком-то в третьем лице. Вместо имени они пользуются прозвищами или словами, указывающими на родственные отношения с тем, о ком идет речь. Прозвища, как правило, забавные и нелестные, поэтому их не используют в присутствии человека, о котором говорят.

Также в ходу у апачей испанские имена — наряду с теми, которые они выбрали себе сами или которыми их наградили другие. Иногда апачи меняют имена. Когда человек умирает, его имя больше не произносят вслух. Если покойного назвали в честь какого-нибудь животного или предмета, апачи скорее придумают новое слово для обозначения этого предмета, нежели станут пользоваться прежним и тем самым рискнут ненароком потревожить дух усопшего. Именно поэтому часть имен и их значений безвозвратно утрачены.

Некоторые люди были известны апачам под одним именем, а мексиканцам и американцам — под другим. Так, например, апачи называли Кочиса, вождя из племени чоконенов, Чейсом.

Чтобы не запутать читателей, незнакомых с культурой и бытом апачей, мои герои будут обращаться друг к другу по именам, хотя на самом деле в реальной жизни они редко так поступали.

ЧАСТЬ I

1850 ГОД

ДИТЯ

КАК У БЛЕДНОЛИЦЫХ ПОЯВИЛИСЬ РУЖЬЯ

Рассказывают, что давным-давно жила Женщина, Окрашенная Белым, и ее сын, Убийца Врагов, а больше людей на свете не было. Окрашенная Белым очень хотела, чтобы у нее родился еще один ребенок, и потому она много молилась. Однажды во время молитвы дух велел ей раздеться донага и возлечь на спину под дождем. Вода вошла в ее сокровенное место, и так она понесла. Родив второго сына, она назвала его Дитя Воды.

Когда Юсэн, Даритель Жизни, решил привести в этот мир людей, он возжелал, чтобы люди были двух видов. Он положил на землю лук со стрелами и ружье, после чего позвал Убийцу Врагов и Дитя Воды, велел им выбрать оружие по нраву. Убийца Врагов был отчаянным трусом, ну а кроме того, он был старшим из братьев, так что ему выпало выбирать первым. Он взял ружье, и потому Дитя Воды получил лук со стрелами. Люди, что пошли от Убийцы Врагов, стали *пунда*, то есть бледнолицыми. А Дитя Воды стал первым вождем у нас — у индейцев.

Убийца Врагов не просто был трусом, он еще и умом не блистал. Говорят, он чуть не выбрал лук со стрелами. Если бы он взял лук, тогда у нас были бы ружья. Ну, и что вы на это скажете?

ГЛАВА 1

ЦОКОТ КОПЫТ

Сестра понятия не имела, что имеет над лошадьми колдовскую власть, но об этом знал ее брат Утренняя Звезда. Именно поэтому он взял ее с собой на фиесту в мексиканский поселок Ханос, хотя друзья его отнеслись к этому неодобрительно. Колченогому минуло сорок, и он вдобавок хромотал. Его уже не беспокоило, как они будут смотреться со стороны. А вот Двоюродного Брата и Зевающего, которым было по двадцать четыре, это еще как волновало. Они не обращали внимания на Сестру, но при этом у них все равно был такой вид, будто они вляпались в какую-то вонючую дрянь, которую теперь никак не оттереть с мокасин.

Края их набедренных повязок доходили спереди до колен, а сзади — до икр. Большие серебряные диски под названием *кончос* украшали их широкие кожаные ремни. Высокие мокасины были густо расшиты бисером, а их задранные носки друзья выкрасили алым. Распущенные волосы апачей доходили до бедер. В ушах покачивались серьги с бирюзой. Изначально друзья собирались произвести впечатление в Ханосе буквально на всех и каждого, но, увы, теперь их мечты рухнули, ведь с ними увязалась девчонка.

Присутствие Сестры возмущало парней. Когда на окраине поселка она попросила их остаться сторожить лошадей, ребята закидали ее желудями. Утренняя Звезда не сомневался, что позже приятели поплатятся. Так происходило всегда.

Скорее всего, женщины, оставшиеся в лагере выше по течению реки, сейчас судачили о Сестре. Среди апачей было не принято, чтобы тринадцатилетние девушки проводили

время в обществе юношей или мужчин. Впрочем, когда речь заходила о его младшей сестре, Утренней Звезде было абсолютно все равно, что там говорят люди. Они всегда найдут повод посплетничать о ней, — разговоры пошли с того самого момента, как она выбралась из колыбельки и сделала первые неуверенные шаги. И конца-края этим сплетням не было видно.

Сестра впервые увидела мексиканскую фиесту. Когда она шла через рыночную площадь, создавалось впечатление, что ее нисколько не тревожит ни гам, царящий вокруг, ни разложенные на прилавках товары. Юная девушка была одета в отделанную бахромой тунику из оленьей кожи и кожаную юбку, неровный подол которой доходил до верха высоких мокасин. Лук и колчан из лисьей кожи Сестра закинула за спину. На шее у нее покачивались ожерелье из стеклянных бусин и маленький мешочек со священной камышовой пылью — *ходентен*.

У нее был еще совсем детский рот с полной верхней губой, изгибом похожей на лук со впадинкой, куда вкладывают стрелу, но при этом темные глаза смотрели уже по-взрослому. Темно-красный оттенок ее кожи напоминал цветом горы, среди которых жил ее народ. Этим утром Сестра растолкала молодую супругу Утренней Звезды, звавшуюся Текучая Вода, чтобы та расчесала ей длинные, до колен, волосы, а потом завязала их в узел на затылке, скрепив его изогнутым куском сыромятной кожи в знак статуса незамужней девы. Текучая Вода попыталась объяснить Сестре, как себя нужно вести в дороге, но Утренняя Звезда знал, что жена тратит время понапрасну.

— *Ола, амигос!*¹ — Трое конных мексиканцев, пустив лошадей в легкий галоп, подъехали к четырем апачам. Один из всадников протянул Утренней Звезде бутылку из тыквы-горлянки, в которой плескался *пульке*², но тот передал ее Двоюродному Брату.

---

¹ Привет, ребята! (*исп.*)

² Слабоалкогольный напиток из сока агавы.

Утренняя Звезда, как и половина явившихся в поселок индейцев, пить не собирался: нужны были трезвые, чтобы позаботиться о пьяных. Впрочем, он в любом случае отказался бы от *пуьке*. Утренняя Звезда предпочитал оставаться трезвым, если поблизости находились мексиканцы. Он шел по поселку и смотрел, как толпы апачей и мексиканцев смешиваются друг с другом, как они пьют и играют в азартные игры. Внимательным взором индеец окидывал плоские крыши приземистых глинобитных домиков — не сверкнет ли солнце на стали ружья? Когда где-то защелкали взрывающиеся хлопущки, он положил ладонь на рукоять кинжала и искал взглядом Сестру.

Жители Ханоса пригласили апачей на совет и обмен подарками, при этом полагая, что индейцы запросто могут устроить в поселке резню. Впрочем, они и сами с удовольствием перебили бы гостей, подвернись такая возможность. Апачи воевали с мексиканцами со столь давних времен, что уже никто и не помнил, с чего именно началась вражда. Впрочем, никто и не верил, что этой вражде когда-нибудь придет конец.

Утренняя Звезда почувствовал облегчение, когда они миновали последнюю крытую соломой хижину на окраине деревни. На пустыре, за которым начиналась равнина, располагался загон с плетеными стенами из ветвей мескитового дерева, где глухо стучали копытами кони.

— *Симарронес*, — негромко произнесла Сестра. — Дикие.

Да, верно, мустанги были дикими, но вдобавок мексиканцы и апачи тыкали в них палками и громко хлопали одеялами, отчего лошади ярились еще больше. Утренняя Звезда не заметил и тени страха в глазах Сестры. Впрочем, он и не рассчитывал его увидеть. Девушка, будто бы не замечая царящего вокруг шума, стояла у стены загона и оценивающим взглядом рассматривала лошадей.

— Мне вон того. — Она кивнула на малорослого коренастого коня цвета запекшейся крови. Мустанга отличали длинная шея, крупная голова и хитрые глаза. Он прыдал изящными

ушами и раздувал широкие ноздри, будто силился понять, что происходит.

Утренняя Звезда пошел перемолвиться словом с хозяином — приземистым мексиканцем в соломенных сандалиях и чистых белых хлопковых брюках и рубашке. Хозяин кивнул и вошел в загон. В руках он держал моток веревки и крепкую дубину.

Некоторое время мексиканец стоял на крохотном пяточке, где царило относительное спокойствие, тогда как вокруг бушевал настоящий ураган мелькающих копыт и оскаленных в ржании зубов. Скрутив из веревки лассо, хозяин накинул его на шею выбранного Сестрой коня и резким движением затянул петлю. Тут же прибежали помощники: одному человеку вытащить лошадь из загона было не под силу. В царящем вокруг хаосе мужчины, которые сражались с упирающимся, силящимся вырваться мустангом, напоминали куски мяса в бурлящей на огне похлебке. Наконец им удалось совладать с животным, накинуть еще одну веревку под нижнюю челюсть, затянуть подпругу и привязать трясущегося, с дикими, выпученными глазами коня к одному из вбитых в ряд столбов. Затем мужчины отправились за следующим скакуном.

Сестра протянула животному на ладони кусочек сахара и стала что-то вкрадчиво говорить. Конь подозрительно покосился на нее.

— Ты поскачешь на этом? — спросил Двоюродный Брат Утреннюю Звезду.

— Нет.

Апачи обычно не лезут с расспросами — человек все расскажет сам, когда и если сочтет нужным, — но сейчас был особый случай: речь шла о ставках.

— А на каком поскачешь? — поинтересовался Зевающий.

— Ни на каком.

Колченогий вообще ни о чем не спрашивал. Он смотрел на коня, который вытянул шею и взял губами кусок сахара с ладони Сестры. Затем девушка достала из мешочка на шее

щепотку пылицы и нарисовала ею на лбу скакуна крест, после чего вдунула остатки ему в ноздри. Прихрамывая, Колченогий отправился делать ставку на выбранного Сестрой мустанга.

— Так, значит, вместо тебя поскачет девчонка? — Двоюродный Брат явно решил, что Утренняя Звезда тронулся умом.

— Да, — ответил Утренняя Звезда и тоже пошел делать ставку.

Груда вещей, которые ставили индейцы, росла на глазах: там были и ожерелья, и серебряные браслеты, и ремни *кончо*. В залог шли седла, уздечки, одеяла — одним словом, все, что стоило хотя бы медный грош. Ставки делали не только на ту или иную лошадь, но и на то, кто из всадников к концу скачки все еще будет сидеть в седле, кто выживет, кто погибнет, а кто останется калекой.

Пока привязали к столбам остальные десять лошадей, прошло добрых полдня — а сколько сил на это потратили, сколько пота пролили! К тому моменту, когда все скакуны выстроились в ряд, брюки и рубаха хозяина загона утратили былую белоснежность. Сестра поглаживала коня, нашептывая ему что-то успокаивающее. Затем она положила руки ему на спину и привстала на камень, чтобы взобраться на скакуна. Тот переступил с ноги на ногу, посмотрел на Сестру вытаращенными глазами, но даже не попытался стряхнуть ее ладони.

— *Листос, мучачос!* — прокричал усатый распорядитель. — *А кабальо*³.

Мужчины, державшие мустангов, взяли за веревки покрепче, тогда как наездники изо всех сил пытались оседлать коней. Сестра заткнула края юбки за пояс, после чего отошла на несколько шагов, разбежалась, вскочила на скакуна, усе-лась поудобнее, ухватила за веревку, которой была отведена роль поводьев, обхватила ногами бока коня и принялась ждать. По телу животного прошла судорога. Сестра прекрасно

---

³ Готовы, ребята!.. Поскакали (*исп.*).

понимала, в чем причина его испуга. Наверное, такие же ощущения скакун испытал бы, если бы на него запрыгнула пума. Конь выгнул спину, поставив ноги вместе, словно стебли в букете полевых цветов, и принялся ждать, что будет дальше.

Раздался удар гонга. На краткий миг наступила тишина — мустанги соображали, как правильнее всего сейчас поступить. Лошадь рядом с Сестрой повалилась на землю и перекадилась, сиюсь подмять под себя седока. Другие скакуны принялись метаться и брыкаться, распугивая зевак и сшибая некоторых с ног.

Конь Сестры и еще две лошади бросились к высокому столбу, обозначающему финишную линию, с такой скоростью, словно их преследовала стая волков, готовых вот-вот вцепиться им в ноги. Жеребец Сестры вырвался вперед, и она уже была готова встать ногами ему на спину, чтобы покрасоваться, но тут грянул выстрел. Скакун споткнулся и упал, пропахав мордой землю. Круп его, продолжая двигаться по инерции, взметнулся вверх. Сестра полетела вверх тормашками, но приземлилась на обе ноги, после чего ей пришлось пробежать еще несколько метров, чтобы восстановить равновесие и не упасть.

Конь засучил ногами и закатил глаза. Сестра присела возле него на корточки и принялась шарить пальцами по телу скакуна, пока наконец не нашла пулевое отверстие. Ни у одного из апачей, которые собрались на скачки, не нашлось бы палки, которая плевалась огнем и темными металлическими шариками. Значит, коня убил мексиканец.

— Видимо, кто-то поставил на другую лошадь, — предположил Утренняя Звезда.

— Я чуть не выиграла скачки! — в ярости бросила Сестра.

— Не показывай виду, что им удалось тебя разозлить. Иначе они получат над тобой власть. Былое не изменишь, но оно может многому тебя научить. Какой урок ты сегодня усвоила?

— Мексиканцам нельзя доверять.

— Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Сестра устремила полыхающий от гнева взор на Кукурузную Муку — На'танха, который лежал ничком, подтянув к животу колени, в луже дешевого пойла и полупереваренных бобов. Он был настолько пьян, что, если бы она сейчас насыпала ему под набедренную повязку толченый перец чили, На'танх бы ничего не заметил. Он показался бы мертвым, если бы не храпел, словно ревуший медведь. Опять На'танх выставил себя дураком, напившись *пульке*, который вонял хуже старых мокасин.

Сестра пнула соплеменника по пятке заостренным носком своего мокасина, но пьяный в ответ лишь что-то невнятно проворчал. Тогда она кинула в него камешек, отскочивший от его голой ягодицы — упругой, словно кожа на барабане. На'танх будто ничего не заметил, но Сестре стало немного легче.

Улюлюкая, раскачиваясь в седлах — так покидали пьяные индейцы Ханос прошлым вечером. Их окружали кольцом те, кто остался трезвым. Утренняя Звезда усадил Сестру на коня перед собой, и девчушка уснула, прижавшись щекой к гриве скакуна и обхватив его за шею.

Когда они добрались до лагеря, большинство пьяных спешили и, едва переставляя ноги, отправились спать. Однако кое-кто из них привез с собой *пульке*, чтобы угостить жен, и многие из тех, кто пока оставался трезвым, решили наверстать упущенное. Гульба продолжалась до рассвета.

Некоторые, вроде Кукурузной Муки, вообще не собирались назавтра возвращаться в поселок. Отец Сестры был одним из тех, кто предпочел остаться в лагере. Проходя мимо его шалаша, девушка услышала доносившийся оттуда храп.

Отец никак не мог унять тоску по покойной жене, которую убили и скальпировали мексиканские охотники за головами, когда Сестра была еще крохой. С тех пор уже никто не вспомнит, сколько Утренняя Звезда раздарил лошадей, одеял и седел шаманам в надежде, что хоть один из них поможет унять

отцовскую скорбь. Сестра молилась каждый день, упрашивая всемогущего духа, Дарителя Жизни, помочь родителю.

Когда женщины варили из забродившей кукурузы священное вино *тисвин* и в лагере устраивали пирушку, отец приходил на нее первым, а уходил последним. Сестра терпеливо ждала, пока он плясал в компании других гуляк. Женщины, которых она раньше считала целомудренными, пошатываясь, удалялись с ее отцом в кусты. Щеки Сестры горели от стыда, когда она слышала смех и звуки возни, доносившиеся из темноты. Несчетное количество раз в бледном свете зари она помогала отцу добраться до дома.

Впрочем, сегодня утро выдалось такое, что Сестра просто не могла печалиться. Небосвод поражал ослепительной глубины синевой. Бабочки порхали среди ветвей пало-верде у пересохшего речного русла. В мекситовых деревьях страстно курлыкали голуби. Негромко перекрикивались женщины, которые мололи кукурузу и чинили прохудившиеся мокасины.

Добравшись до мескитовой рощи, Сестра сняла со лба повязку из сыромятной кожи, положила ее на землю и принялась собирать сухие сучья, укладывая их в вязанку. В поисках хвороста девушка удалялась от лагеря все дальше. Оторвав взгляд от земли, она увидела бочкообразный приземистый кактус, росший на солнечной стороне пересохшего русла. Самую его верхушку венчиком окружали блестящие на солнце желтые плоды, оставшиеся с прошлой осени.

Сестра спустилась по склону неглубокой ложины и пошла вдоль русла — в том направлении, куда когда-то бежала вода. Наконец девушка оказалась в некоем подобии ущелья, которое неуклонно сужалось. Нависшие сверху уступы отрезали ее от солнечного света, отбрасывая сулящую прохладу тень.

Потянувшись, Сестра сорвала один из плодов и, присев на корточки, принялась им лакомиться. Положив руки на колени, она смаковала терпкий сок. Хрустели на зубах черные семечки, скрывавшиеся внутри плода.

Вдруг она озадаченно замерла, ощутив порыв холодного ветра. Откуда ему взяться посреди жаркого лета? Ветер растрепал пряди волос, ниспадавшие ей на лицо. От затылка вниз по позвоночнику пробежала волна мурашек. Голова наполнилась ревом, гвалтом голосов. Сестра вскочила и подняла подбородок, приоткрыв рот и зажмурившись.

Она вскинула руки на высоту плеч, развернув ладони вверх. Она видела, что именно так делают *ди-йин*, шаманы. Застыв, девушка стала ждать, когда к ней обратится Дух Ветра. Когда же это наконец произошло, голос, который на самом деле не был голосом, отразился от каждой клеточки ее лица, и она затрепетала, словно лист на ветке сейбы⁴. Она обратила лицо к надвигающемуся злу и представила, как Призрачный Филин обрушивается на нее из поднебесья, чтобы похитить душу. По позвоночнику пробежал холодок, а сердце бешено забилося в груди.

Когда послышался рокот, девушка подумала, что это снова Дух Ветра, однако неожиданно вместе с воздухом затряслась и земля. Сверху на плечи и расставленные руки Сестры посыпались мелкие комья земли. Рокот распался на перестук копыт. Она раскрыла глаза в тот самый момент, когда первая лошадь домчалась до края ущелья и перепрыгнула через него. За первой последовали и другие. Девушка задрала голову: снизу она могла разглядеть и заляпанные пеной ноги, и широкие подпруги, опоясывающие мощные тела скакунов, перемахивающих через ущелье. Она почувствовала, как на нее падают брызги конского пота; увидела грубые деревянные стремена, а в них — покрытые грязью черные сапоги.

Солдаты. Мексиканцы. Скорее всего, уланы. Она насчитала как минимум полсотни, а то и все шестьдесят бойцов. В лагере осталось не так уж много воинов, и все они были пьяны — совсем как ее отец и Кукурузная Мука.

Едва последний конь с всадником перемахнул через ущелье и топот копыт стал стихать, Сестра, гонимая желанием

---

⁴ Хлопковое дерево.

поскорее предупредить брата, отца и всех остальных, попыталась вскарабкаться по крутому склону, покрытому песком и мелкими камешками, забивающимися под ногти. Подошвы мокасин то и дело соскальзывали, и вскоре девушка вновь оказалась на самом дне ущелья.

Она села, подтянув колени к подбородку, и съежилась, крепко сцепив пальцы, чтобы те не дрожали. Сейчас ей хотелось стать как можно меньше. Солдаты уже открыли огонь. Они стреляли и смеялись. Сестра слышала, как стальное острие пики лязгнуло о камень. Слышала крики женщин и детей.

К горлу подступил страх, но девушка не позволила ему взять власть над собой. Страх — всегда помеха. Он не дает думать. Не дает действовать. Этой мудрости ее научил брат, как только она стала понимать людскую речь.

По неслаженному перестуку копыт и шелесту кустов Сестра догадалась, что солдаты теперь гонятся за теми, кто пытается укрыться в подлеске. Она слышала, как к ущелью приближается лошадь: всадник явно искал в кустарнике беглецов, переживших налет. Сестра ползком на животе попятилась в заросли. Ее окружали кактусы и креозотовые кусты, шипы впивались в кожу, цеплялись за одежду и волосы. Острые камни царапали колени и локти, но девушка не чувствовала боли. Из-за узости ущелья она быстро добралась до его края и обнаружила, что дальше отступать некуда. К счастью, в склоне нашлась нора — логово койота. Сестра на одном дыхании произнесла благодарственную молитву Дарителю Жизни, хотя предпочла бы помощь любого другого животного. От койотов одни беды — так всегда было и всегда будет.

Она сорвала стебель юкки и, сунув его в отверстие, пошуровала там — вдруг в логове обосновались гремучие змеи? Затем она просунула в нору ноги и заерзала, силясь протиснуться внутрь. Наконец где-то там, в глубине, ступни коснулись твердой почвы. Дальше хода не было, но из норы по-прежнему торчали ее плечи и голова. Сестра схватила сухой полукруглый стебель *окотийю*, испещренный дырочками в тех местах,

где когда-то торчали шипы. Прижав левую щеку к теплой земле, она вставила стебель в рот, чтобы дышать, закидала голову и плечи песком и зарылась в него руками.

Топот копыт становился все громче. Девушка искренне надеялась, что ей удалось полностью замаскировать песком черные как смоль волосы. Всадник остановил коня аккуратно над ней. Вниз по склону, прямо ей на голову, посыпался песок. Сестра чувствовала взгляд солдата, внимательно осматривающего кусты и тени, залегшие в ущелье. Она застыла, ожидая, что вот-вот грохнет выстрел и ей в голову вопьется пуля. Девушка гадала, успеет ли почувствовать жар, исходящий от свинцового шарика, несущего смерть, а потом стала думать, встретится ли она после смерти с матерью в Счастливой Земле.

Тут девушка услышала, как всадник поскакал прочь, но все равно продолжала сохранять неподвижность. Она дышала через стебель, вслушиваясь в гнетущую тишину. Солнце взбиралось по небосклону все выше, пока не достигло зенита, после чего принялось спускаться к горизонту. Сестра лежала в укрытии, дожидаясь, когда в ущелье начнет меркнуть солнечный свет. Она не пошевелилась, даже когда ее руку случайно задела ползшая мимо гремучая змея.

В точности как учили Бабушка и Утренняя Звезда, она взмолилась про себя: «Повелитель Юсэн, мне и так досталось. Не мучай меня, избавь от змеиной хвори».

Когда змея уползла, девушка, заерзав, выбралась из норы, вытряхнула песок из волос и ушей, вытерла глаза. Горло саднило, и она едва разлепила пересохшие губы, чтобы их облизать.

Небо окрасилось розовым, но на западе уже багровело кроваво-красным. Тени, что отбрасывали камни, деревья и кусты, сделались длиннее, будто собираясь наброситься из засады на уходящий день. Печально завывал в ветвях ветер, а над останками лагеря все еще курился дым.

Сестра знала дорогу к потайному схрону, где ее племя прятало провизию, кувшины с водой, оружие и домашнюю

утварь. Все дети старше пяти лет твердо усвоили: именно туда надо пробираться, если на лагерь нападут. Девушка также прекрасно понимала, что задерживаться у схрона нельзя: даже если солдаты не вернуться, души тех, кого они убили, еще не обрели покой. Сестра представила, как души соплеменников ранеными птицами мечутся вокруг лагеря, напуганные внезапным переходом в мир теней и осознанием того, что им предстоит отправиться в дальний путь.

Близилась ночь — время нечистой силы, которая запросто может околдовать и запутать неосторожного путника. В небе наверняка парит Призрачный Филин в поисках душ, которые можно похитить. После наступления тьмы отправиться в дорогу может либо безумец, либо человек, у которого нет иного выхода.

Беззвучно, словно змея, Сестра, извиваясь, проползла на животе через кустарник. Время от времени она застывала под тем или иным кустом и, прижав ухо к земле, вслушивалась, не дрогнет ли едва заметно почва от людских шагов или конских копыт.

Вознеся молитву духам-помощникам, девушка сгребла золу из лагерного кострища и натерла ею руки и лицо, чтобы отвадить призраков. Зола оказалась все еще теплой. Трупы старухи и молодой женщины лежали на телах трех маленьких девочек, которых они отчаянно попытались защитить. Увы, солдаты все равно застрелили малышей и сняли со всех жертв скальпы. В последних лучах догорающего дня Сестра узнала мать, жену и дочерей Зевающего.

Это были первые трупы, которыми она воспользовалась в качестве укрытия, но дальше тел нашлось больше чем достаточно. Практически у каждого из них солдаты сняли скальп и отрезали правое ухо. Ради правительственной награды мексиканские уланы обрели души апачей до скончания веков скитаться обезображенными — преступление столь же тяжкое, как и само убийство.

Сестра ползла на животе, пока не добралась до обугленных останков шалаша, в котором жил ее отец. Сам он лежал

навзничь у входа. В руке у него всего еще был лук с вложенной в тетиву стрелой. Выпустить ее он не успел: мексиканский улан пробил ему грудь пикой и пригвоздил к земле. Голова отца была повернута к девушке, и его лицо оказалось на одном уровне с лицом дочери. Глаза отца оставались открытыми: казалось, он вот-вот раскроет рот и потребует выдернуть у него из груди копье, чтобы он смог встать.

Одеяла, принадлежавшие отцу, могли бы пригодиться — ночи в горах холодные, — но Сестра и пальцем не притронулась к вещам покойного. Она не сняла у него с пояса кинжал в ножнах, не попыталась разжать пальцы отца, чтобы взять лук. Возьмешь что-нибудь у мертвеца — привлечешь внимание его души, которая потом будет вечно таскаться за тобой.

По высохшему руслу Сестра добралась до лагеря, где жили Бабушка и Текучая Вода, но не нашла своих родичей. Может, их убили и сейчас они лежат мертвые где-то в кустах, или прячутся во мраке ночи, или их увели с собой мексиканцы, чтобы продать в рабство.

Под обугленными развалинами своего шалаша Сестра отыскала одеяло. Огонь лишь тронул его края, так что им вполне можно было пользоваться. По-прежнему лежа на животе и с опаской поглядывая по сторонам, девушка скатала одеяло в плотный рулон. Сунув руку в один из мешочков, висевших у нее на поясе, она достала несколько запасных шнурков для мокасин и связала их вместе, затем получившейся веревкой перетянула края свернутого одеяла и закинула его себе за спину.

Внезапно ее охватил ужас. Неужели все погибли? Неужели мексиканцы из Ханоса устроили засаду на ее брата и остальных мужчин? Неужели она осталась одна и от долины на севере, которую ее народ зовет домом, ее отделяют долгие дни пути?

Соскочив по склону на дно ущелья, Сестра решила, что тут достаточно безопасно. Теперь можно было встать и перемещаться дальше на полусогнутых ногах, пригнувшись при

этом к земле. Осторожно ступая, она отыскала маленький ручеек, служивший источником воды для всего лагеря. Девушка сделала несколько глотков — достаточно, чтобы смочить горло и облегчить жажду. Затем она двинулась вперед, перемещаясь в темноте неслышно, словно струйка дыма.

К тому моменту, как она достигла подножия горы, на землю уже успела опуститься ночная прохлада. Перед Сестрой раскинулась долина, что вела к реке Ханос и зарослям кактусов, ивняка и кустарника. Там должны были встретиться пережившие налет. Бегом она добралась бы туда в один миг, но рисковать не хотелось. Не исключено, что где-то там, во тьме, притаились в засаде солдаты, которые только и ждут, что она на них выскочит.

Выбравшись из ущелья, девушка прикинула к земле и поползла, работая руками и ногами. В лагере у детей была любимая игра «подкрадись и замри». Теперь Сестра поняла ее смысл.

ГЛАВА 2

СОН, СМАТЫВАЮЩИЙ КЛУБОК ЗАБОТ

Рафи Коллинз и Авессалом Джонс стояли у барной стойки, расположенной в самом конце «Ла люз» — питейного заведения, принадлежащего донье Иоланде. В центре зала расположился бильярдный стол, вокруг которого толпились тexasцы со своими лошадьми. Стол повидал виды: он успел пострадать от многочисленных партий, сыгранных на нем тexasцами и другими посетителями столь же буйного нрава. Отличительной особенностью стола являлось мраморное основание — когда-то потребовалось участие чуть ли не всех жителей Месильи, чтобы извлечь его из фургона и притащить сюда. Длинные лузы из красного шелкового шнура по углам стола принимались раскачиваться всякий раз, когда его задевала одна из лошадей.

Тexasцы играли в бильярд верхом. В строгой очередности каждый игрок, оставив в стремени ту ногу, что была поближе к столу, высвобождал вторую ногу и наклонялся так, чтобы кий оказывался вровень со столом. Возможно, в этой игре имелись какие-то правила, но сторонний наблюдатель вряд ли сумел бы понять, в чем именно они заключались. Всякий раз, когда кому-то удавалось загнать шар в лузу, везунчик издавал боевой крик команчей, от которого у Рафи стыла в жилах кровь, а по телу бежали мурашки.

В зале стоял страшный шум, а в воздухе могла бы еще клубиться и пыль, но ей мешал подниматься густой слой табачных плевков, покрывающих земляной пол. Рафи этому был только рад. Прошлым вечером он пригнал в Месилью из Эль-Пасо фургон с солониной и мукой. Шестьдесят километров